

Алла
Назарева

ПРЕДЕЛЫ И
ТОЧКИ
НЕВОЗВРАТА

Сборник «Пределы и точки невозврата» представляет собой чистую эклектику, через которую можно услышать гул мироздания, отчетливо понять звук нашего времени. Герои между собой никак не связаны, можно даже сказать, что эта книга — просто слепой набор сцен из жизни разных людей: герои то появляются, то исчезают, сменяясь новыми, и внешнюю связь между ними найти почти нереально. Но эта разобщенность и разорванность бытия на фрагменты жизни разных людей, доведенные почти до ПРЕДЕЛА, дает на своем пике абсолютную целостность. Да, люди, герои, события формально никак не связаны между собой, потому что они больше, чем связаны — они едины в пространстве своих «пределов и точек невозврата», протекающих во внутренней жизни каждого человека.

Алла Лазарева ПРЕДЕЛЫ И ТОЧКИ НЕВОЗВРАТА

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Обычно Олег приезжал в свой родной город навестить родителей дважды в год. Один раз на день рождения матери, летом, а второй — на новогодние праздники. Но в этот раз отпуск выдался на начало декабря, и он решил приехать пораньше, почти за месяц до нового года. К тому же и заняться в отпуске было решительно нечем, кроме как выяснять отношения с бывшей, давно разбившиеся о быт. Из Москвы, где он жил после учебы уже почти десять лет, добираться было не сложно, но долго: вначале двенадцать часов на поезде, потом от поезда на автобусе или трамвае, а потом снова автобусе. После бессонной ночи в поезде, который приехал в десятом часу утра, настроение было сонным, в глазах сильно рябило от белого снега, и дорожная сумка, резавшая ладонь пополам, казалась еще тяжелее, чем была вечером, хотя ее содержимое не изменилось.

Всю ночь в поезде он думал о том, что будет делать, как только вернется обратно в Москву, в голове вертелись разные планы. Олег хотел

уволиться и сменить работу, которая стала совсем невыносима. Он хотел подать заявление нужно еще до отпуска, но он не решился, страшила неизвестность, а поддержать его было некому. Личная жизнь у него тоже не клеилась, недавно от него ушла женщина, они решили пожить отдельно, первый брак тоже не задался, и от этого брака у него подрастала дочка. Он только вышел из поезда, и снова для него настали гулкая привокзальная площадь, звук отходящего поезда, запах железной дороги, пар от дыхания, такие же, как и год назад. Его бледное лицо выглядело изнеможенным, но, едва глотнув свежего холодного декабрьского воздуха, он понемногу стал приводить мысли в порядок. У него даже появился румянец.

Больше всего его волновало, что его таким увидит мать и опять станет задавать много ненужных вопросов. По телефону, когда она его не видела, ему легко было сделать вид, что у него все хорошо, а сейчас он понимал, что нужно еще постараться. Он подошел к остановке, к которой подходили трамваи, поставил сумку на асфальт, вытащил пачку сигарет и закурил. «Такси, такси! — раздался громкий голос таксиста-таджика, направлявшегося к нему». Олег показал жестом, что такси не нужно, и таксист пошел дальше зазывать пассажиров. Олег хотел докурить, но как сразу подошел трамвай и Олег, выкинув сигарету,

взял снова сумку и поднялся в него. Места свободные были, но он решил не садиться, чтобы не расслабляться. «Лучше так, — подумал про себя он. — Уже скоро».

За окном мелькали до боли знакомые картинки, Олегу даже показалось, что со времен его детства ничего не изменилось, разве что суеты стало больше. Он ехал, держась за поручень и смотря в окно, потому что это было лучше, чем смотреть на людей или тонуть в собственных мыслях. Вначале в трамвае людей было немного, но с каждой остановкой их становилось больше. Олег зевнул, мимо него протиснулась сморщенная старушка, которой молодая женщина уступила место. Трамвай остановился на очередной остановке, и в него стали заходить люди. «Куда прешь! — раздался у него за спиной гневный возглас, принадлежащий подвыпившему мужчине». За окном пошел снег, было видно, как маленькие снежинки прикасаются к стеклу, оставляют на нем следы. Олег нравилось сквозь это тронутое слезами снега окно смотреть на прохожих и улицу, эта привычка была у него с самого детства. Сам не зная зачем, он повернул голову и в самом конце трамвая увидел ее. Или как будто ее. Он на секунду задержал на ней взгляд, а потом быстро опустил глаза и снова повернулся к окну. Сердце забилося чаще.

Она стояла в синем пальто. Он едва успел разглядеть ее черты, но ее лицо, ему показалось, уже было тронутو увяданием. Ей, наверное, было уже почти под пятьдесят. «Неужели это и вправду она? — снова подумал он, не смея еще раз повернуть голову, чтобы подтвердить или опровергнуть свою догадку, как будто он сознательно предпочел остаться на грани между знать и не знать». Пограничное состояние между сном и реальностью, как и тогда в его отрочестве, снова окунуло его в себя и поглотило. Он почувствовал робость, смущение, дрожь, а его лицо приобрело оттенок недоумения, даже испуга, хотя за десять лет жить в Москве он уже попривык быть ко всему готовым и ничего не бояться. Стало как-то неловко, что они встретились здесь, в этом трамвае, что он стоит к ней боком, как будто нужно было встретиться где-то в другом месте с видом на океан или даже на небе.

Ее имени он не знал, ни тогда, ни сейчас. Лет двадцать назад она жила в доме напротив, и он смотрел на нее, когда у него выдавалась такая возможность. Смотрел, отводя взгляд, почти как сейчас, и молчал, иногда встречая ее случайно и мельком возле подъезда, в магазине, парке или на остановке. Она была неземная, непохожая на других, очень ухоженная, сдержанная тонкая тихая молчаливая и печальная. Потом они переехали, но

она так и осталась в его памяти как неведомая птица, идеал, женщина-муза. Периодически он возвращался на старое место жительства и часами простаивал возле ее подъезда, чтобы хоть мельком увидеть ее, но видел ее все реже и реже, а потом она совсем куда-то исчезла, как будто бы растворилась в воздухе.

Наверное, она была чья-то жена, может быть, даже мать, но этого он не знал и не хотел знать. Ему только хотелось посмотреть на нее еще раз или просто постоять рядом с ней, но не слишком близко, потому что тогда бы сердце разорвалось то ли от волнения, то ли от счастья. Именно были связаны его детско-юношеские мечты, воздушные чистые и кристальные. Ей тогда было около тридцати или слегка за тридцать, а сейчас ему ровно столько, столько ей было тогда, и у него уже появилась первая седина на висках. Олег с удивлением обнаружил, что до сих пор помнит шлейф аромата ее терпких духов. Память ему возвратила сейчас даже запах ее духов, как будто эта нереальная жизнь, которой он жил, никогда не кончалась. Как будто он всегда жил двумя параллельными жизнями. В одной жизни вполне понятной земной реально земной он учился, влюблялся, работал, даже создал семью, а во второй, где-то на подсознании, всегда сияла она, как звезда, недостижимое акварельное счастье,

далекое и туманное. А теперь она ехала рядом с ним совсем близко и держалась одною рукою за поручень. Тогда он смотрел на нее внизу вверх, а теперь он был на голову выше ее, но сейчас ему показалось, что он смотрел бы на нее так же. Ему захотелось подойти к ней и сказать: «Я вас помню, я вас узнал, вы жили напротив, я вас...». И, может быть, даже узнать, наконец, ее имя, но что-то сжалось внутри от невозможности этого движения к ней и этой обычной фразы.

— Лелик, ты! — вдруг услышал Олег, и его сердце замерло. Он удивился своему мальчишескому прозвищу, потому что так к нему уже давно никто не обращался. Олег повернулся и увидел протискивающегося к нему мужчину в черном пуховике и с лицом, заросшей щетиной, в котором с трудом узнал своего старого школьного приятеля. — Я даже не сразу, — расплываясь в улыбке, сказал мужчина и радостно протянул ему руку для рукопожатия. Натужно Олег улыбнулся и пожал руку товарища. Хуже момента, чем этом было сложно придумать. Раньше, когда Олег приезжал в свой город, он не встречал практически никого, ему просто было неинтересно, он всегда был замкнутым, и особых друзей со школьных времен у него не было. Ну что ты, как неживой, как живешь? Куда едешь? Женат?! Как там Москва, стоит?! — снова заулыбался приятель, засыпав его

вопросами.

Олегу было крайне неловко, он опешил, вдруг подумав, что это может услышать она, и испугался сам своего голоса, но быстро взял в себя в руки.

— Стоит, стоит, — быстро ответил он, сделав свой голос проще и тише. — Я в разводе, а ты как?

— Да вот, еду к жене, был на заработках. Я с тобой уже не первую остановку ему, все смотрю, смотрю: ты, не ты? — начал говорить он, рассказывая о своих делах. Олег остановился, люди стали выходить, и он инстинктивно оглянулся и увидел, что ее уже нет. Она вышла. Он увидел уже из окна, как удаляется ее фигура. Все та же стать, та же походка, осанка. Внутри защемило. — Да, что ты! — легонько хлопнул его по плечу приятель, — совсем еще не проснулся, эко вас там в Москве мучат! — рассмеялся он белым ртом. — Ты до конечной? Может, выйдем и по пивку, а?

— Нет, — тихо улыбнулся Олег. — Я спешу, меня уже ждут, — вежливо сказал он, желая поскорее остаться с самим собою наедине.

Они проболтали до следующей остановки. Приятель рассказывал о работе, жене, о том, что уже стоит дачу и немного осталось. «Помнишь Сашку? — вдруг спросил он. — Умер недавно, разбился на своей иномарке. Царствие ему небесное, — сказал быстро он, а потом продолжил как ни в чем не бывало рассказывать дальше».

Когда Олег вышел на остановке, помахав вслед уезжающему трамваю рукой, то почувствовал облегчение. Теперь ему не нужно было держать лицо и изображать из себя того, кем он не является. Он решил немного пройтись, чтобы освежить голову. Все это было как-то нелепо и грустно, и непонятно. И зачем она снова вот так, как мираж, появилась в его серой и суетливой жизни, неужели, чтобы исчезнуть опять? А, может, это судьба через нее пытается ему сообщить что-то важное, а он опять не может ее понять? — вставали вопросы в его голове, и снег скрипел под ногами. Олег шел до ближайшей остановки, чтобы снова сесть на тот же трамвай.

Было зябко, руки мерзли, по дороге проезжали автомобили, и Олег даже не пытался увернуться от брызг из-под колес. Он шел по дороге, уже не чувствуя тяжести сумки, которую нес в руке, потому что эта тяжесть меркла по сравнению с тяжестью обрушившегося на него понимания, что он ходит по кругу и никак не может его разорвать. Он думал о том, что скоро опять вернется в Москву, и снова среда затянет его, в этой столичной круговерти он снова забудет ее, и тогда зачем, для чего была эта встреча?

Все как сильно изменилось с тех пор, когда был он подростком: его одноклассники выросли, выучились, родили детей, отрасли щетины,

сделали карьеры, некоторые уже развелись и на висках поседели, а некоторых уже нет в живых. Да, все изменилось с тех пор, но при этом как будто бы ничего не изменилось. Он остановился на остановке, растерянно вглядываясь в промозглую декабрьскую пустоту, наполненную маленькими искрящимися снежинками. Снежинки тихо как будто бы нехотя опускались на землю и таяли, коснувшись земли, а те, которые были близко к проезжей части, смешивались с грязью, которую давили отъезжающие автомобили.

«А вообще была ли она, эта женщина? — вдруг подумал он. — Или мне опять все показалось?».

ВОРОВАННАЯ ЖИЗНЬ

— А мерчендайзера вашего кастрировать надо! — сказала громко Элеонора Васильевна, подойдя к кассе продуктового магазина. Она отвела глаза и подумала, правильно ли она произнесла это слово и не будут ли из-за этого смеяться на ней. Над ней не смеялись, скорее, недоумевали, зачем эта женщина в возрасте пришла выяснять отношения к кассиру. Тем более, что одета Элеонора Васильевна была странно: на голове у нее была шелковая цветная косынка, тонкие губы густо окрашены ярко-красной помадой, особо

выделялись на ее бледном лице зеленые тени, и довершали ее образ казавшаяся необъятною шуба и сапоги на высоких каблуках, на которых ей трудно было ходить. Все вместе это выглядело феерически и вызывало неловкую улыбку у окружающих, которую хотелось показать, как только она уйдет. Но Элеонора Васильевна не торопилась. Не для того она надела все лучшее сразу. Она думала, догадываются ли они, смотря на нее, что видят перед собой самого настоящего вора, а на воровство Элеонора Васильевна решилась осознанно.

Она выносила этот план, она его продумала до мелочей, родила, как рожают ребенка. Это был сознательный акт, на который ее толкнула нужда, но нет, не нужда в материальном смысле, а нужда в плане духовном. Для нее, оставшейся без мужа, который умер, и сына который женился и уехал подальше, больше нечем было порадовать себя, изменить свою жизнь к лучшему, внести в нее хоть капельку жизни. Воровство для нее было чем-то вроде акта свободы, безумия, желания показать себя и вырваться из тисков старости, когда уже ничего не происходит, и когда память постоянно поставляет ее, как медленную пытку воспоминания, унижающие ее достоинство. Она часто вспоминала, как на рынке ей однажды сказали: «Женщина отойдите, это дорого стоит, вы все равно не будете брать». Это было больно, и это боль требовала

выхода в самых причудливых формах. Вот она и решила украсть колбасу, дорогу, сухую, целую палку, в самом дорогом супермаркете, который могла найти недалеко от дома. Она хотела не просто украсть, а украсть мощно, с вызовом, и эта косметика на ее лице, а в обычной жизни Элеонора Васильевна почти не красилась, сияла на ней почти как боевая раскраска. Она вышла на воровство как бой со своею судьбой, которую не могла принять, а глаза продавцов и зевак сейчас смотрели на нее, похихикивая над ее внешней неадекватностью, и ничего не понимали.

Это идея о воровстве пришла к ней уже давно, где-то полгода назад, но уже после того, как умер муж, и ее проводили на пенсию. Она ходила по магазинам, приценялась, выбирала магазин, изучала товары, а главное, продумывала план, как украсть незаметно. Выбор пал на колбасу, такую Элеонора Васильевна раньше никогда не покупала, колбаса стоила дорого, тем более в таком дорогом магазине, как этот. Чтобы пронести ее незаметно, нужно было виртуозно оторвать наклейку со штрих-кодом и незаметно положить колбасу в сумку. Элеонора Васильевна тренировалась на дешевой колбасе, приносила ее домой и снимала с нее этикетку при помощи подручных средств. Руки у Элеоноры Васильевны были золотые, она была знатная рукодельница, все время что-то шила, перешивала,

вязала и крючком и спицами, и теперь эти навыки ейгодились.

Она хотела этого преступления всей душой, жаждала его, оно ей было необходимо, как свежий воздух в затхлых стенах ее невыносимой жизни. Ей давно уже надоело жить по правилам и заповедям, которые она раньше всегда соблюдала, надоело переходить дорогу исключительно на зеленый свет, и теперь на старости лет она решила рвануть на красный. А что ей было терять, если у нее больше, как она считала, ничего не осталось. Она даже была не против, если ее «заметут», поймают с поличным, перед ее глазами то и дело вставала картинка, как она сидит за решеткой вместе с «ночными бабочками», и ее допрашивают. Такие картинки она видела в кинофильмах. Она всегда знала, что если ворует миллионы и миллиарды, то тебе ничего не будет, а если кусок хлеба или колбасу, то все может быть, и решетка тоже. Только за всю свою жизнь ни скрепки с работы не утащила, а тут позарилась на целую колбасу. Но просто взять и вынести ее — этого было мало, нужно было еще устроить скандал на пустом месте, пойти, так сказать, ва-банк. Шумный вор всегда менее подозрителен, наглость рулит. Наглость часто принимают за правоту, а тихость за слабость. Элеонора Васильевна наглой никогда не была, а тут решила постараться.

Своим поступком она как будто хотела

сказать, нет, даже не сказать, а прокричать: «А вы что ж думали, я такая?! Нет, а я совсем не такая!». А еще большее удовольствие ей доставляло представлять, как об этом поступке сообщат на ее былую работу, где она проработала тридцать лет главным бухгалтером, и там все ахнут. Когда ее провожали на пенсию, то сослуживцы ей, пытаясь устроить праздник, сделали ей юмористическую сценку, где она была в образе серой мышки, и никто никогда не слышал ее голос. Эта сцена засела, как кол, в ее памяти. Обидная сценка, ведь серой мышью она себя никогда не считала. В молодости, юности, детстве, еще до того, как вышла замуж, она пела и танцевала, ей хотелось носить дорогую одежду, быть совсем не такой, какой ее сделала жизнь, но все время не хватало денежных средств. Порою не было денег даже на самое необходимое, всю жизнь она жила от зарплаты до зарплаты, муж в последние годы сильно болел, а если выдавалась лишние деньги, то она покупала что-то мужу или ребенку. А теперь ни того, ни другого в ее жизни не было, один умер, другой женился и носа не кажет, все у него дела, дела...

«А зачем, какого черта все время по заповедям? — подумала она, и на ум пришла первая из них: не укради». С нее-то Элеонора Васильевна решила и начать. Если получится. Может быть, ничего бы этого не случилось, если бы ей

разрешили поработать еще, но на ее место уже метили молодые. И ее с работы «ушли» под радостные поздравления и восклицания, а также пожелания крепкого здоровья и долгих лет жизни, мол, она поработала и должна теперь отдохнуть. А как отдохнуть Элеонора Васильевна не понимала, она не знала, как ей отдыхать и за всю жизнь так и не научилась. И как можно отдохнуть, если в доме одиночество смотрит на нее со всех сторон? В одиночестве постоянно осаждали большие воспоминания, она вспоминала, как сделала аборт, но не потому, что не хотела ребенка, а потому что не на что было кормить и растить. Настоял муж, хоть она очень хотела родить девочку, ей казалось, что дочка ее поймет, по-женски, по-человечески. Но это все было в прошлом. А теперь она думала: «Сворю колбасу, принесу домой и буду жрать. Жрать всем смертям назло!».

Врач-кардиолог, у которого она наблюдалась, после смерти мужа сказал ей, что она должна заниматься чем-то, что-то делать руками, чтобы не сойти с ума. Элеонора Васильевна засела за вышивку, вязание, аппликации. Это не помогало, даже наоборот — раздражало, потому что было уже никому не нужно, и в один момент она сказала: «Все, хватит». А в ее понимании слово хватит, означало, что правда хватит. Просто хватит.

— Администратора мне! Что это такое, ничего не могу найти, все переставили! А у меня что, время что ли есть ходить тут, искать! Почему такое неуважение к людям?! — произнесла она фразу, которую слышала от одного покупателя и мысленно заулыбалась, даже восхитилось своей смелостью. «Вот бы видели они меня сейчас, — подумала она о своих бывших коллегах». Раньше же она ничего не могла никому сказать, даже если на ногу сильно наступят, толкнут или денег не додадут. Как-то было неловко, а теперь в ее сумке сияла краденая колбаса, целая палка, и ей было ловко, и страха не было, точнее он был, но на своем пике перерождался в высшую форму эйфории и ликования над собой и толпой.

Вышел администратор. Молодой мужчина в строгом костюме.

— Что случилось, в чем проблема? — посмотрел он на кассиршу. Та, быстро пристав тихо показала ему на Элеонору Васильевну. — Женщина, что случилось. В чем суть проблемы, — посмотрел он на Элеонору Васильевну?

«Ну надо же, — отметила про себя Элеонора Васильевна, не бабка, не бабуся, а женщина, сразу видно: дорогой магазин. Уважают, — снова заулыбалась мысленно». Она готовилась к этому

разговору, придумывая и свои реплики и реплики собеседника.

— Я ничего не могу найти! Вы все переставили. Что это за магазин чертов! Ничего невозможно найти. Все было раньше по-другому, а теперь что. У меня на это нет времени! Я очень занятой человек! У меня много работы, сын, дети, внуки, работа, муж!

Вокруг Элеоноры Васильевны собрались люди, которые, поглядывая на нее, улыбались. Где-то несколько секунд администратор, молодой мужчины, пребывал в растерянности, не понимая, о чем идет речь. А потом, посмотрев на охранников, быстро сказал:

— Женщина, мы все уладим. Примем к сведению ваши рекомендации. Всего доброго, до свиданья, — натянуто улыбнулся он ей и посмотрел на нее, в ожидании ее действий.

Элеонора Васильевна победно посмотрела на покупателей, собравшихся на нее возле кассы, и поняла, что миссия выполнена, теперь надо выйти. Ей казалось, что все смотрят на нее, следя за каждым ее движением. Теперь оставалось только пройти кассу, узнать, не остановит ли ее охранник, не запищат ли ворота на ее краденую колбасу в сумке. Ее интересовал вопрос, все она сделала правильно или не все? Все поплыло как в тумане. «Ну давай, давай, — подбадривала себя Элеонора

Васильевна, — последний рывок, несколько шагов». Почему-то вдруг захотелось сесть на пол и прямо расплакаться. Нет, дойти, надо дойти, а на ногах, как будто были гири. Один шаг, второй, а у охранников дубинки, и смотрят они на нее странно. А у нее сумка, и там колбаса, дорогая, краденная, а значит, почти как бомба, хоть этикетку она с нее содрала, ювелирно, быстро, почти профессионально. А теперь только бы дойти до дверей и выйти отсюда. Она почувствовала, как потеряла много сил, слишком.

«Ну что остановишь меня? — подумала она, проходя мимо охранника, потом мимо другого. Нет, не остановил. — Не оглядывайся, только не оглядывайся, — говорила она себе, а потом когда встала у дверей, то ее сердце сжалось: запищит или нет? Еще шаг. Нет, не запищало». Двери отворились, как только оно к ним подошла, и Элеонора Васильевна вышла из дверей. Ей хотелось упасть, сесть, рассмеяться или расплакаться, закричать во все горло. Но вдруг она опасно обернулась назад и подумала: «А что если все-таки заметили, если ее поймала скрытая камера? Что, если они обо всем догадались и сейчас побегут за ней?!». Она не знала, откуда у нее взялись силы, но она побежала, она бежала так, как не бегала никогда, даже на работу, если опаздывала.

Она бежала прямо на каблуках, на которых

даже ходила с трудом, это были особые сапоги, трофейные, купленные, чтобы надеть их по особому случаю такой случай представился только тогда, когда провожали на пенсию. Она бежала, не чувствуя ног, не понимая, как бежит и не падает, на нее смотрели, оглядывались. Ее старая шуба со свалявшимся мехом и это торчащее из-под шубы красное расшитое вручную бисером платье, которое она надела на день рождение мужа, были забрызганы грязью. Сумка, косынка, тени, помада, — все пригодилось, как будто они лежали и ждали когда Элеонора Васильевна «пойдет на дело». И вот уже Элеонора Васильевна во всем этом «парадном» бежит «с дела», рассекая ноябрьские лужи, бежит с ворованной колбасой в сумке, бежит, не зная куда, а точнее — куда глаза глядя. Бежит так, как будто за ней кто-то гонится, а в голове только скачут обрывки мыслей. «Почему она вышла за него замуж? Почему не родила второго ребенка? Почему не стала воевать, когда ее захотели «уйти» с работы? Зачем ее называли так Элеонорой, хоть она хотела быть Катей или Машей и всю жизнь стеснялась своего барского имени? Почему, зачем, как это все получилось, и что с нею будет сейчас? Она бежала так, как будто бежала от этих мыслей, а они все равно догоняли ее, роясь в ее голове.

Опомнилась Элеонора Васильевна, когда

сидела уже на скамейке возле своего дома и горько плакала, размазывая дешевую косметику по лицу слетевшей косынкой. Потом она перестала плакать и еще долго сидела пустым и рассеянным взглядом, собираясь с силами, чтобы встать, и, наконец, встала. Она, как будто забыла о краденой колбасе, но медленно подходя к двери дома, остановилась, вытащила сухую тонкую из сумки, как совершенно ненужную вещь, и кинула в урну. Ворованная колбаса, ворованная жизнь, потому что и жила ее, как будто украли. Надежда была только на то, сумка не пропахла этой колбасой, и ее не придется стирать.

Дверь за ней хлопнула.

ОСТАНОВИТЬ ПОЕЗД

В тот день настроение у Владика было неважное, можно даже сказать, что никакое. За ним в школу после обеда заехала тетя Света, она была не одна, а со своей дочкой от первого брака Ритой, которая была ровесницей Влада. Все вместе они должны были отправиться в цирк. Эта мера была вынужденная, потому что родителям Влада нужно было побыть наедине, у них сегодня должен был особый вечер, на котором мама Влада объявить ему о своей беременности. Разумеется, ни о какой беременности Владика пока ничего не сказали, это,

по-видимому, должен был быть сюрприз для него, причем приятным, но Владик и так все знал. Он слышал, как мама разговаривала по телефону с подругой, восторженно рассказывая ей, что теперь их жизнь изменится. Из этого разговора он понял, что, наконец, случилось то, чего они с дядей Сережей ждали долгие годы. Дядь Сережа хоть и не был его родным отцом, но все равно Влад называл его исключительно папой, потому что своего родного отца не знал. Неотвратимость перемен сильно пугало Влада, поэтому он мало обрадовался, когда увидел сияющую и очень приветливую тетю Свету, идущую за руку со своей дочерью Ритой.

У тети Светы была своя машина, которую она неплохо водила, но ехать решили на метро, потому что повсюду в Москве были пробки. Это обрадовало Владика, он любил метро. Метро — это был для него особый мир, и особенно в этом мире он любил смотреть на поезда, как они прибывают на станцию и останавливается. Это был волшебный для него момент, когда раздавался звук поезда, потом показывался свет от его фар, а потом уже и он сам вылетал из тоннеля. На поезда Влад смотрел с восхищением, и они вызывали у него восторг и улыбку, потому что он чувствовал в них силу и мощь. У Влада были и игрушечная железная дорога с несколькими маленькими поездами, но это было все не то, ему нужны были эти, которые в метро,

большие живые и настоящие. А больше всего на свете Влад хотел остановить поезд одним своим взглядом, это была своеобразная игра для него. Он так хотел посмотреть на вылетающий из тоннеля поезд, чтобы тот остановился, почувствовав его сильный взгляд. И почему-то именно сегодня Владу казалось, что у него все получится, ведь у него было внутри столько всего, столько всего, что могло найти выражение во взгляде. Но когда Владик с тетей Светой и ее вертлявой и быстроглазой дочерью Ритой спустились в метро, то поезд уже стоял на платформе.

— Скорее, скорее, садитесь! — поторопила детей тетя Света, взяв их за руки и прибавив шагу, чтобы они успели вскочить в поезд, и они успели. А Владик даже не успел попросить пождать следующий.

«Ну ничего, — подумал про себя Влад, уже находясь в поезде, который тронулся с места. — На обратной дороге остановлю точно».

* * *

У Владика аутизм, его обычно крепко держат за руку. Он очень немногословен, и в цирке ему неинтересно, его самые интересные занятия внутри его мира. Он сам их придумывает, а дочка у тети Светы шустрая, дерзкая, звонкая. Она все время

разговаривает, хохочет, рассказывает что-то интересное. Ей нравится, когда на нее смотрят, она на все реагирует по-детски и непосредственно.

— Смотри, смотри, какие акробаты! Смотри! — поворачивается она к Владу и показывает на них пальцем. Владу неинтересны акробаты, особенно сейчас. Он думает о поездах, о том, как остановить поезд. — А ты видел, ты видел, какое животное? Просто зверюга, — улыбаясь, поворачивается она снова к Владу, и снова увлечь его не получается.

— Марг, сядь, успокойся уже, — говорит ей мать. — Ты всем мешаешь, — говорит она строго. — Расскажешь потом, — говорит она ей, зная, как ее дочь любит делиться впечатлениями. У нее всегда море эмоций и впечатлений, которые все наружу. Она не выдерживает пауз. Маргарита полная противоположность Владу, и напрасно мать Владика, которую Рита называет тетя Оля, надеялась, что они подружатся. У Владика нет друзей, все эмоции в нем, внутри него, и только с самим собой ему интересно. Диагноз ему поставили несколько лет назад, довольно рано, и его мать до сих пор не смирилась с этим. Все пытаются ему помочь, смотрят с сочувствием, а ему хорошо и уютно в своем большом, как планета мире. По крайней мере, сейчас, когда он еще маленький.

Владик слегка оживился только после того,

как они вышли из цирка и направились к метро. Тетя Света купила под дороге детям сладкую вату, и они шли к метр, отрывая ртом от нее куски и чувствуя, как она тает во рту. Рите не шлось ровно, она шла, подпрыгивая, собирая радостные взоры прохожих и заливалась соловьем об увиденном, а Владик шел, молча смотря, как мелькают его коричневые ботинки. Он думал только о том, что сейчас будет останавливать взглядом поезд. Ему были совершенно неинтересны темы, которые ему предлагала для разговора Рита. Она пыталась его расшевелить. «А посмотри, что у меня есть! — часто говорила она ему, демонстрируя подарок родителей или обновку. — А вот ты так не можешь, а я могу! — как-нибудь причудливо изгибалась Рита, помимо всего прочего, занимающаяся еще и художественной гимнастикой. — Пойдем сегодня вместе гулять? — частенько одаривала она его предложениями, но Владик всегда либо молчал, либо отвечал неизменным отказом». Нельзя сказать, что Рита сдалась, потому что ей мама сказала, что когда-нибудь Владик обязательно исправится. Рита старалась не пропустить этого времени, не воспринимая слишком всерьез его замкнутость и нелюдимость.

Наконец, спустились в метро, и сердце Владика замерло в предвкушении. Он стал еще более сосредоточен и все боялся, что когда они

подойдут к поезду, он уже будет стоять. Но нет, он не стоял, его страх был напрасным. В метро было гулко, тетя Света держала детей за руки, чтобы они не потерялись в толпе. Все произносимые слова тетей Светой и Ритой Владик слышал, но это для него было как-то абстрактно. Он часто не реагировал на них, как будто он живет в одном мире, а они в другой. То же самое было и с родителями, когда его мать спрашивала о чем-то, он нечасто вовлекался в диалог, поэтому учился в специализированной школе для детей с особенностями развития. Его мать радовалась, если ей удавалось хотя бы немного поговорить с ним, и если она чувствовала, что он ее понимает. А с поездами все было наоборот, ему казалось, что они живут с ним в одном мире, они слышат его и понимают, поэтому он всегда оживлялся, когда они заходи в метро, как будто чувствовал их язык.

— Так стоим, ждем поезда, — произнесла она, посмотрев в тоннель. — Уже скоро.

«Уже скоро, — подумал про себя Владик, чувствуя дрожь». Владика можно было свободно держать за руку, а Рита постоянно вырывалась, она не любила ходить за руку, ей нравилось свобода в движении. Влад слышал, как тетя Света наставляла ее. «Стой смирно! — немного нервозно говорила она. — Посмотри, как Влад стоит. Он не вертится, как ты. — Он больно, — ответила Рита, и тетя

Света растерялась от ее слов и быстро посмотрела на Владика, пытаясь понять: не услышал он. Он никак не отреагировал. Ему и правду было все равно, все меркло в ожидании поезда, но тетя Света решила не оставить разъяснительную беседу с дочерью на вечер, боясь, что Владик все же запомнил обидные слова ее дочери.

— Немедленно извинись. Ты была неправа. Влад не больной, а всего лишь с особенностями развития, — строго сказала она.

— Отстань, я это имела в виду, — отмахнулась Рита.

— Нет, ты извинишься прямо сейчас! — настойчиво произнесла тетя Света, которой было крайне неловко за поведение своей дочери.

Рита насупилась.

— Ладно, Влад, извини, — сказала Рита, глядя, как он отстраненно смотрит в тоннель, как будто ждет поезда.

Поезд не шел, народу собиралось все больше. Был час-пик, когда все возвращаются с работы или учебы. Влад собрал всю свою энергию внутри и напряженно посмотрел в тоннель, который наполнился светом и звуком приближающегося поезда. Как только показался поезд, Влад пронзительно и сильно посмотрел в его огромную железную голову. «Ну же, остановись, — подумал Влад. — Стой! — мысленно скомандовал он ему».

Влада бы устроило, если бы поезд просто остановился чуть-чуть, не доехав до своей обычной остановки, это бы означало, что дело сделано. Но и в этот раз ничего не вышло, и как только поезд остановился ровно на своем обычном месте, Влад обреченно опустил голову, его больше ничего не интересовало. Он даже не смотрел на людей, которые дружной толпой вывали из дверей вагона. Его рука была крепко сжата в руке тети Светы, и она его вела туда, куда нужно, а он не противился этому.

В вагоне было душно, даже жарко, и Влад оказался прижатым к двери. Ему было грустно, он глубоко и сильно переживал, что сегодня опять не сумел остановить поезд, просто посмотреть на него и остановить. Ему совершенно не было дела до Риты и тети Светы, он был в плену глобального разочарования, которое пытался осмыслить, понять, как будто в нем было нечто большее, отвлеченное от этого мира, сакральное. Ехать было недолго, но с одной пересадкой, которую сделали на станции Пушкинской, чтобы потом пересесть на зеленую ветку метро. Владик также послушно шел с тетей Светой за руку, а Рита крутилась вокруг. Ей понравился музыкант, который играл в метрополитене на скрипке, и Рита уговаривала мать вернуться и дать ему денег. Но она возвращаться и уж тем более давай кому-то денег не собиралась.

Тетя Света очень сильно устала за целый день одна, да еще с двумя детьми, за которыми нужен глаз да глаз. Когда сделали пересадку, то она просто начала считать остановки, понимая, как вымоталась за этот день. Все, о чем она мечтала — это сдать Влада его родителям, которые наверняка уже успели неплохо отдохнуть этим вечером, и пойти домой, благо она жила от подруги недалеко, в соседнем подъезде. Они часто друг другу помогали с детьми и родились они почти в один год. Ольга тога не знала, что у нее будет особенный ребенок или, как обычно говорят, ребенок с особенностями развития, а когда узнала, то долго не могла прийти в себя. Он почти не общался, мало говорил, его развитие двигалось крайне медленно, поэтому, даже встретив другого мужчину, она долго не могла забеременеть, мучили страхи.

— Этого еще не хватало! — раздраженно произнесла Света вслух и посмотрела на Влада, который почему-то заулыбался, когда это все произошло. Когда до выхода из поезда оставалась всего остановка, поезд остановился, не доехав до станции всего несколько метров.

— Не волнуйтесь, — сказала она быстро детям, — скоро поедem, — успокоительно сказала она, хотя ей хотелось грязно выругаться, потому что день выдался крайне нервным.

А потом был дом, и была мама, и был дядя

Сережа. Когда тетя Света вместе с Ритой ушли, то мать села на корточки возле Влада и взволнованно сказала ему, что ждет ребенка, а значит, их в семье станет больше.

— Ты рад, ты рад? — очень тонко спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Влад кивнул, не понимая, рад он или нет, и опустил голову. Его гораздо больше волновало, что поезд все-таки остановился, хоть и не сразу, а значит, он все-таки остановил поезд. Для него это было почти то же самое, как остановить жизнь, чтобы потом запустить ее с новой силой. Думая об этом, его сердце наполнялось радостью и ощущением силы.

— Я рад, — неожиданно ответил он вслед уходящей из его комнаты матери и улыбнулся.

Ольга обернулась с недоуменным взглядом, как будто ослышалась, и посмотрела на него с удивлением. Он мог не ответить совсем или повторить часть предложенья за ней, к этому Ольга уже привыкла, но он еще никогда так ясно и четко не отвечал ей. Она еще никогда не видела на его лице такой светлой эмоции. Она еще никогда не чувствовала, что он ее так понимает.

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ

Глеб проснулся раньше, чем прозвенел

будильник, что бывало с ним нечасто. Еще лежа в постели, он обвел глазами комнату, впереди маячил обычный трудовой день, встать не хотелось. Но вдруг он подумал: «Вот так живешь, живешь по инерции, а потом окажется, что это самый лучший день в жизни, а ты и не знал». Эта мысль Глебу понравилось и даже усилилось еще одним воспоминанием, которое внезапно пришлось как нельзя кстати. «Нужно просто однажды встать в хорошем настроении, — вспомнил он фразу, которую слышал мельком, а теперь уже и расцвела пышным цветом в нем». Он не помнил, кто ее сказал, да это было и не важно, важнее было то, что ему хотелось так думать, а еще важнее — действовать. Он сосредоточенно посмотрел на будильник, а потом привстал на кровати, до звонка будильника, который обычно звонил в шесть пятнадцать, еще оставалось время, десять минут. «Неужели эти минут до звонка будильника было достаточно, чтобы изменить свою жизнь? — вдруг подумал он, и на душе его стало хорошо». Обычно после звонка будильника он начинал действовать автоматически, по инерции, как машина: шел чистить зубы и умываться, потом завтракал, потом ехал на работу и как-то необычно день уходил, оставив после себя неизменное разочарование. Присматриваясь к своей прожитой жизни, он видел, что в его календаре жизненным будней мелькали

одни пятницы, а потом два дня отдыха и опять на работу. Он жил, не чувствуя жизни. «Вот теперь все изменится, — почему-то подумал он и заставил себя улыбнуться».

Как ни странно резко менять свою жизнь Глеб не планировал, вчера и даже неделю назад он ни о чем таком не думал и не помышлял, как будто был не готов к такому повороту событий. А теперь вот просто проснулся этим ноябрьским утром раньше, чем прозвенел будильник, и что-то почувствовал. Это было странное чувство, которое нашло отражение в мысли про лучший день, странное и прекрасное. Но оно было не лишено логики, ведь присмотревшись к своему детству, он понял, что самые счастливые дни, которые он видел сейчас в своем прошлом, тогда выглядели непримечательными: друзья, рыбалка, первый запущенный в небо воздушный змей. «А вдруг и сейчас ему это день кажется таким же, как и все будни, а потом с высоты прожитых лет он будет казаться самым счастливым? — подумал Глеб».

Глеб огляделся, удивляясь собственным мыслям, он хотел побыть в этом облачном состоянии, как можно дольше, боясь, что после звонка будильника это странное и прекрасно чувство рассеется в воздухе, и эта мысли покинет его. Он знал, что после звонка будильника, жизнь сразу меняется, затягивая в свой круговорот

привычных дел, но думать по инерции и по привычке Глеб больше не хотел, слишком сладка была для него идея быть счастливым сейчас. Поэтому он взял будильник в руки и отключил, договорившись сам с собой, что теперь целый день, несмотря ни на что, будет помнить, что это самый счастливый день.

Он пообещал себе, что сегодня он будет каждую минуту думать, что это день особенный, самый лучший, самый счастливый, как будто он уже смотрит на себя из будущего, в котором он уже стар, окружен повзрослевшими детьми или даже внуками. «Да, да, обязательно помнить, обязательно помнить, — строго сказал он себе. — Смотреть на себя из будущего и контролировать». Глеб был решительно настроен понять счастье именно сейчас, а не тогда, когда оно уже закончится. Он решил признать его свершившийся факт заранее. «Это самый лучший, самый счастливый день, — настойчиво сказал он сам себе, и его лицо приобрело напряженный вид, как будто он делает над собою усилие. — Думать, думать, думать, каждую минуту, смотреть на себя из будущего. Знать, что сегодня тот самый лучший день». И как ни странно, у Глеба все получилось посмотреть на себя как будто бы из будущего. Он представил свою жизнь, как картину, из правого верхнего угла которой он смотрел на себя сегодняшнего, и от

этого его захлестнула целая волна чувств.

* * *

Глеб встал, оделся. На кухне мать уже готовила ему завтрак, он жил с матерью, потому что на то, что снимать квартиру денег у него не было. Он просил ее не вставать, потому что утром, когда он собирался на работу, его раздражала ее суета. А теперь он увидев ее даже улыбнулся, причем не специально, это получилось как-то само собой. «Ну вот, — подумал он, — лет через тридцать она состарится, а сейчас еще молода и заботится он нем». Перед тем, как пойти в душ, он заглянул на кухню и попросил мать сделать ему яичницу. Его так и распирало сказать ей что-то хорошее, но он не хотел привлекать внимание к своему странному и счастливому состоянию. Сейчас, глядя на себя из правого верхнего угла уже прожитой жизни, он понимал, что все равно все скоро изменится, он рано или поздно переедет от нее, обзаведется семьей. Поэтому нужно ценить моменты жизни с ней именно сейчас, ведь скоро таких моментов будет намного меньше, а потом они исчезнут вообще, и от понимания этого счастье вспыхнуло в нем еще ярче и подарило огромную дозу энергии. Ему даже показалось, что он не идет по земле, а летит.

Ощущение полета не прекращалось. Глеб, сам не заметив как, добрался до работы на общественном транспорте, хотя раньше этот процесс был для него мучительным. Людей много, то пнут, то ногу отдают, все агрессивные. А сейчас он стал замечать, что вовсе они и не агрессивные, он перестал видеть толпу и стал видеть каждого человека в частности. Работа тоже не внушала легкого омерзенья, как раньше. «В конце концов, ее можно и поменять, — подумал Глеб, и его настроение еще больше улучшилось. — Странно, и как эта мысль раньше не приходила в голову? — задумался он». А не приходила она ровно потому, что ему эта казалось слишком призрачным, неосуществимым, кому нужен молодой специалист практически без опыта работы, а вот теперь казалось, что нужен.

Глеб, имея юридическое образование, работал менеджером среднего звена не в очень солидной компании, таких, как он, часто называют офисный планктон. И он с этим определением был согласен: отчеты, планы, договора быстро-быстро сменяли друг друга. Для того, чтобы остановиться и подумать о чем-то. Но даже эта работа сегодня не раздражала его, он делал свою работу и улыбался, хотя, как и обычно, в офис был аврал. Каким-то странным образом он делал свою работу, все успевая, и у него даже появилось желание помочь

другим.

— Ты, наверно, влюбился, — сказал ему кто-то из коллег. — Сидишь тут, цветешь и пахнешь.

Глеб улыбнулся.

— Возможно, — ответил весело он.

— Как загадочно. И что же случилось?

— Да нет, ничего. Просто настроенье хорошее.

Хотя у Глеба и не было желания бравировать тем, что у него сегодня самый лучший день, его состояние заметили все. Он как будто светился изнутри невидимым светом, несмотря на то, что старался быть осторожней со словами, чтобы не расплескать свое счастье и запомнить все детали и мелочи этого дня. Раньше в офисе, особенно до обеда, время тянулось, а сейчас остановилось и парило вместе с ним в этом стоянии. Он замечал все больше и больше прекрасных деталей, радующих глаз. Погода была хорошая, люди вызывали у него желание сделать для них что-то хорошее, и когда он спустился в столовую на обед, что бывало нечасто, так как обычно за работой Глеб не успевал пообедать за целый день, то встретил ее, девушку из отдела делопроизводства. Она была новенькой, работала в кампании всего несколько недель, но Глеб уже успел заметить. Он хотел познакомиться, но не знал, как это сделать, как подойти, что

сказать. К тому же всегда были люди, он боялся насмешек. А сейчас она сама подошла и села за его столик.

— Здесь не занято? — улыбнулась она.

— Нет, — быстро ответил он. — Садитесь. Вы здесь недавно работаете? — спросил ненавязчиво он, и у них завязался диалог. Все получилось как будто само собой, без особых усилий. Раньше у Глеба, с теми девушками, которые ему нравились, ничего не получалось. Получалось только с теми, кто нравился не очень сильно, но и сам он был не в восторге от этих отношений, поэтому все отношения рушились.

— Может, встретимся на выходных, поболтаем? — в конце разговора, прежде чем закончить обед, произнес он.

— Почему бы и нет, — кокетливо улыбнулась девушка, и на его щеках заиграли ямочки. — Только вы ничего не съели, — произнесла девушка, глядя в его полную тарелку.

Глебу и правда не хотелось есть, а энергии было хоть отбавляй.

— Мой желудок пытается ужаться, что оставить место для сердца, — пошутил он. — И вообще давайте «на ты», — предложил он.

Девушка кивнула и снова заулыбалась. Было очевидно, что он ей нравилось, что и неудивительно, потому что сегодня Глеб нравился

даже самому себе, что бывало с ним, критически настроенным и к себе и к людям, нечасто. Выйдя из-за стола, Глеб поймал себя на мысли, что жизнь налаживается, а сегодня и вправду самый чудесный день. Ему казалось, что он способен если не на все, то на очень и очень многое, как будто вселенная открыла ему все возможные двери, а жизнь показала зеленый свет. Он подумал: «Неужели, чтобы изменить свою жизнь и обрести счастье, нужно просто однажды проснуться в хорошем настроении?».

После работы захотелось пройтись пешком, и даже «придушенное» ноябрьское лето вызывало у него умиление и восторг. Автомобили с включенными фарами, воздух люди. Его состояние было похоже на общую атмосферу перед Рождеством, хоть до него было еще далеко. У него было такое ощущение, что сегодня родился он сам, родился заново. Казалось, что все желанья сбудутся, если только захотеть. От ощущения полноты жизни и восторга перед будущим захотелось побежать, сил было хоть отбавляй, хотя раньше он с трудом доходил до дома. А теперь он не чувствовал ног, но не потому, что устал, а потому что за спиной у него появились крылья. Он шел по дороге и смотрел на себя как будто бы со стороны и сверху. «Лучший день, лучший день, — повторял он про себя. — Лучший день, — и улыбка

не уходила с его лица». Он стал мечтать о будущем, чувствуя, как планы на жизнь разгораются в нем с новой силой, как пламя пожара.

«Перво-наперво, — думал он, — нужно сменить работу. Может быть, даже открыть свое дело, он давно хотел открыть интернет-магазин, и кое-какие мысли по этому поводу уже были. Конечно, он найдет себе партнеров, бизнес начнет развиваться, с девушкой Лизой из отдела делопроизводства возникнет большая любовь и, скорее, на всего он на не женится. Картинки из будущее мелькали в его сознании с невероятной скоростью, и от них начинала крутить голова. Он уже почти слышал, как кричат их новорожденные дети, а живут они, разумеется, в новой квартире, которую он купил на доходы от бизнеса. Все это казалось так близко, так достижимо, как никогда раньше. И вдруг почти на пике эмоций, наслаждаясь грядущим, он подумал: «А что если ничего не получится?». Он задумался, и прямо перед ним выскочила неизвестно откуда взявшаяся пятнистая кошка. Глеб остановился. Страх от возможной потери оборвал его пространственное видение, он больше не видел себя сверху и со стороны, как будто в одно мгновение опустился с небес на землю. Чувство досады исказило его лицо, и он быстро прибавил шагу. Все внутри замолчало, откуда-то вылезли грязные лужи, которых он не

замечал, и он увидел суету на улице, мельтешащих людей и убрал руки в карманы, чувствуя, что они замерзли. И напрасно Глеб, спеша домой, пытался вернуть это состояние, в котором прожил почти целый день, оно почему-то не возвращалось, просто пришло, а потом ушло, как облако дыма. Глеб вернулся домой, потому что решил немного пройтись пешком.

— Где ты был? — с порога взволнованно спросила она. — Я звонила, а ты не брал трубку. Я думала, что-то случилось.

— Мам не лезь под кожу. Ничего не случилось, — раздраженно произнес Глеб, чувствуя, как у него сводит желудок от голода.

— Как прошел день? — вдруг просила мать, когда Глеб уже сидел за столом и ел суп.

Она любила посидеть с ним за столом. Глеб на секунду перестал есть. Никогда еще такой привычный вопрос не вызывал у него столько разных эмоций.

— День прошел, — немного подумав, ответил он ей, потом замолчал, задумавшись, и продолжил есть дальше, не желая развивать эту тему.

Настроение было подавленным, ему просто хотелось прийти и упасть на кровать и проспать до конца этой рабочей недели. Его даже не успокаивало, что он сегодня познакомился с очень приятной девушкой, и они обменялись телефонами.

«Все равно ничего у нас не получится, — подумал он». Глеб злился на себя и весь мир за свою недавнюю эйфорию, быстро списав ее на временное помутнение сознания. Сейчас он даже не понимал, как такая ерунда могла прийти ему в голову.

МУЗЫКА

Анастасия Павловна, строгая упрямая женщина лет шестидесяти села за пианино играть.

В последнее время все чаще, играя на пианино, Анастасия Павловна стала возвращаться в свое золотое детство. Она это делала не специально, так само получалось. Она садилась играть, и в памяти всплывали картинки почти полувековой давности. Красивые свежие далекие и совсем не потускневшие, как это бывает со старыми фотографиями. Музыка из-под ее кистей рук стекала по воздуху на пол, словно пар, а потом, как облака поднималась под потолок. Она играла, играла растекающуюся по комнате тихую и негромкую музыку, и вспомнила и вспомнила. На памяти приходил образ бабушки, которая грозила ей пальцем, образ матери, отца она помнила смутно, но все это было живым родным настоящим, а главное задевало ее за живое. Об этом можно было судить по выражению ее лица, по нему было видно, что вспоминает она что-то очень тонкое и

сакральное, а музыка оставалась такой же, негромкой и нежной.

Больше всего в детские года Анастасия Павловна, а тогда просто Настя, проводила время, занимаясь музыкой. Она часами и днями просиживала за пианино. Но в один момент она решила все изменить, но вовсе не потому, что ей не нравилась музыка. Настя сама не знала, нравится ей музыка или нет, у нее не было времени, чтобы над этим подумать, почувствовать, за нее подумали и почувствовали родители. Каким-то чудесным и непостижимым для нее образом ее занятия музыкой породили звание хорошей девочки, которое намертво приклеилось к ней и повсюду ее сопровождало. Ну, казалось бы, хорошая девочка и хорошая, но все же Насте это не нравилось категорически. Она было уверена в том, что из-за этого дикого прозвища, которое страшней, чем любая обидная кличка, ее в школе и за человека не считают. Как будто звание человека сильно противоречит званию хорошая девочка. Когда ее так называли, Насте казалось, что у нее начинают от ужаса на голове шевелиться волосы. Она плакала, просила ее так не называть дома, но ее усилия плодов не давали. «Ну ты же хорошая девочка, — обращалась к ней бабушка, — так почему же ты не занимаешься музыкой? Все хорошие девочки в десять часов уже спят. У

хороших девочек на полках и в шкафе всегда порядок в комнате и голове. Как ты не хочешь идти в музыкальную школу?! Но ты же хорошая девочка!».

Эти выражения можно было продолжать и дальше, и настолько они надоели Насте, что в один день она решила окончательно порвать с музыкой, и все это для того, чтобы, наконец, перестать быть хорошей девочкой, хотя бы на устах бабушки. А бабушка в доме было главной, даже главнее мамы, потому что мама было всегда на работе.

Сейчас у Анастасии Павловны немецкий рояль, она купила его относительно недавно, точнее даже не купила, а ей его подарили за уроки музыки, которые она давала. Особых успехов в музыке она не достигла, но упорно играла уже почти пять десятков лет. И ей сейчас даже странно подумать, что она могла бы и не получить этот инструмент и вовсе расстаться с музыкой, если бы тогда смогла настоять на своем. Анастасия Павловна помнила, как в тот вечер, перед тем, как объявить на семейном ужине о том, что больше не будет играть, она горько плакала в подушку. Она плакала и плакала взхлеб, плакала и плакала, и, вспомнив сейчас о своих слезах, Анастасии Павловне показалось, что слез горше, чем те, у нее в жизни больше не было. Она плакала по себе и по судьбе, которая оказалось так несправедлива к ней. У всех

жизнь, счастье, друзья, они гуляют после уроков, а она хорошая девочка, и поэтому сидит и разучивает ноты целыми днями дома. А ей хотелось туда к ним, играть не на пианино, а с ними, общаться, скакать, стрелять из рогатки, обсуждать местные новости, сплетничать и влюбляться в мальчиков. Но она как будто не родилась для этого или еще не заслужила.

— Все, я больше не буду играть. Вообще, — немного успокоившись, стала она подбирать слова для бабушки, ведь главное убедить бабушку, а мама сдать сама на милость судьбы. Бабушка была кремень и непреклонна, а мать мягкая нежная отстраненная, все время в своих делах и заботах. — А если вы будете меня заставлять, то я разобью его, возьму стул и разобью, а если не разобьется, то еще раз возьму стол, разгонюсь и с разбегу разобью, — подбирала она слова. — Я не хочу больше играть! — говорила она про себя, и для нее это означало только одно — она не хочет больше быть хорошею девочкой. Это решение зрело уже давно и готово было прорваться как акт свободы и воли, которой она раньше себе никогда не позволяла.

Ужин был в семь, обычно семья садилась ужинать, когда с работы приходила мама. Нов этот раз, она, как назло задерживалась, а сдерживать свои эмоции Насте становилось все нестерпимей. Как это так, и с чего они решили, что она хорошая